

Глава 1

«БЕЛАЯ СТРЕЛА»

С Петром Курочкиным я учился на одном курсе Омской высшей школы милиции. После окончания школы мы не виделись почти шесть лет. Осенью этого года Петр приехал к нам в город в командировку. Закончив с делами, он нашел меня, мы встретились, посидели, поговорили, вспомнили курсантские годы. Разговор о «Белой стреле» завел я. Курочкин не хотел говорить на эту тему, но я был настойчив.

— Петя! — наседал я. — Ты что думаешь, что я разучился язык за зубами держать? Я друзей не предаю. Если ты состоишь в «Белой стреле», то от меня об этом ни одна живая душа не узнает.

— Нигде я не состою! — возмутился приятель.

— Если ты не при делах, то давай, рассказывай! У нас «Белой стрелы» нет. А у вас, в Новосибирске, она, говорят, третий год действует, город от бандитов очищает.

— Нет у нас никакой «Белой стрелы»! — упорствовал Курочкин. — Вспомни 1986 год, сколько тогда слухов было про «Черный эскадрон»? Ну и где он? Болтовня одна.

— Петя, что ты равняешь «Черный эскадрон» и «Белую стрелу»! — неподдельно возмутился

я. — «Черный эскадрон» — это изначально полу-легальная полицейская организация для расправы над неугодными лидерами профсоюзного и общественного движения. Убийство уголовников для «Черного эскадрона» — это побочная задача. У нас в стране такую организацию не создашь. В Бразилии можно, в Аргентине можно, у нас — нет. Скажу тебе мое личное мнение: когда в 1986 году в журнале «Советская милиция» напечатали повесть «Черный эскадрон», я подумал, что эта публикация — предупреждение для зарвавшихся либералов. Мол, ребята, у нас, конечно, не Латинская Америка, но если понадобится, управу мы на вас быстро найдем, и никакая гласность вам не поможет. «Белая стрела» — это совсем другое дело! Это кустарщина, самодеятельность. В любом райотделе можно такую шайку сколотить.

Он еще немного поупрямился и сдался.

— У нас разговоры о «Белой стреле» пошли с прошлого года, — начал Курочкин. — Поговаривали, что есть подпольная милицейская организация — она уничтожает преступников, которым удалось уйти от возмездия. Никаких конкретных примеров не было, так, болтовня одна, слухи, кухонные разговоры. Сам посуди, кто поверит, что ради восстановления справедливости какие-то менты под расстрельную статью пойдут? Убивать бандитов без суда и следствия — дело благородное, только никто лично не захочет руки кровью марать. Одно дело в горячке сказать: «Я бы убил его!» и совсем другое — нажать на курок.

— Согласен! Слово и дело — разные вещи.

— Слушай дальше! Работал у нас в отделе один опер, я буду называть его Василий, а как его на самом деле звали — неважно. Был Василий парень так себе, ничем не приметный, но исполнительный, трудолюбивый. Звание у него — капитан, возраст — тридцать лет. В этом году, в январе, поздним вечером жена Василия с малолетней дочкой возвращались домой. Время суток — темное, дорога скользкая, идет легкий снежок. На переходе через Красный проспект жену и дочку насмерть сбивает автомобиль «Волга». За рулем «Волги» пацан, студент третьего курса университета. Машина принадлежит его папаше, которого я буду называть Яковом. Этот папаша — очень влиятельный в Новосибирске человек. Когда-то он работал в обкоме партии, потом перешел на профсоюзную работу. Словом, папа Яков знал в городе всех нужных людей.

Началось следствие. Установили: автомобиль летел по проспекту с максимальной скоростью, у потерпевших не было никаких шансов успеть отскочить с проезжей части. Вина водителя — стопроцентная. Свидетели происшествия есть, заключение автотехнической экспертизы есть.

Вася наш после гибели семьи впал в депрессию и стал подумывать о самоубийстве. Представь: была семья, по вечерам дочка смеялась, рассказывала, как у нее в детском саду дела, и не осталось ничего — два гроба, два могильных креста. Мы его всем райотделом выхаживали, антидепрессанты по благу доставали, неделями разрешали на работе не появляться. К лету он кое-как очухался, стал на человека похож.

В первых числах июня Васю вызывает прокурор и говорит, что уголовное дело по факту гибели его семьи прекращено за отсутствием в действиях водителя состава преступления. Вася на дыбы: «Как это прекращено? А экспертиза? А свидетели?» Прокурор показывает ему заключение экспертизы, а оно уже переписано, и циферки в нем стоят совсем другие. Не виноват водитель! Не имел технической возможности остановить транспортное средство. Вася: «А свидетели?» Прокурор усмехается: «Какие свидетели? Это те прохожие, что у обочины стояли? Они как скорость автомобиля определили, на глазок? Или у каждого специальный прибор с собой был?» Вася понял, что ему никогда правды не добиться, и запил по-черному. Папа Яков после прекращения дела отправил сына в Москву, в другом вузе учиться. На этом первая часть действия закончена. Все, больше в этой драме никаких событий нет.

Часть вторая. В конце августа папа Яков, Алиса Попова и жена Якова поехали к друзьям на дачу. Пару слов об Алисе. Волосы у нее черные, густые — настоящая львиная грива до плеч. Ростом она примерно метр восемьдесят, не баскетболистка, но дылда — будь здоров! Грудь у Алисы — как у голливудской звезды — два футбольных мяча из-под декольте наружу просятся. Попа дельная, округлая, бедра покатые, живот плоский, ноги длинные. Представил, какая она? Все в Алисе хорошо, но черты лица грубоватые: нос крупный, рот большой, как у Красной Шапочки. Словом, девица — на любителя. Я бы с такой кобылой даже связываться не стал. У меня ни сил, ни денег, ни желания нет такую

лошадь объезжать, а кому-то она очень даже нравится. Поговаривают, в постели Алиса такие штучки вытворяет — ни в одной Камасутре не прочитаешь. Чем по жизни она занимается, никто толком не знает, но в лучших новосибирских кабаках для нее всегда местечко зарезервировано.

Что-то я немного отвлекся, но это — в тему. Так вот, поехали они на пикник. Потом, когда следствие началось, мы стали интересоваться: «Алиса Попова с вами в качестве кого поехала?» Жена Якова отвечает: «Она знакомая моего мужа». Ей, значит, Алиса не знакомая и не подруга, а если с мужем — то ничего, все нормально. Новый тип семейных отношений — временный легальный треугольник. Перестройка! Новое мышление. Долой разборки с любовницами! Если муж с Алисой развлекается, так хоть перед знакомыми стыдно не будет. Алиса — девушка яркая, с первым встречным в постель не ляжет.

Опять я не туда! Все, теперь — к делу. На даче собралось гостей человек десять. Пожарили шашлычок, выпили коньячку, сплясали под магнитофон, устали, прилегли в доме отдохнуть. Яков не устал. Они с Алисой пошли в лесок прогуляться. Лес на даче начинается прямо за забором. Открыл калитку с заднего двора — вот тебе — сосенки стоят. Прошло минут десять, и на всю округу раздается истошный вопль Поповой. Гости — ноги в руки и за ними. Прибегают на полянку в лесу возле дачи и видят такую картину: по траве в истерике катается Алиса, а Яков лежит на спине, раскинув руки. Из глаза у него торчит... длинная стрела с белым оперением.

Началось следствие. Попова рассказывает, что они шли по тропинке в лес — она впереди, а Яков немного сзади. Вышли на полянку, и — чпок! Она обернулась — у Якова из глаза стрела торчит. Кто стрелял и откуда, она не видела. Следов стрелка в кустах нет. Орудия преступления нет, других стрел нет. Провели экспертизу. И баллистики, и судебные медики в один голос говорят: могли стрелу из спортивного лука выпустить, а могли руками в глаз воткнуть. Прокурор, дружок Якова, хотел сгоряча закрыть Алису, но это же порожняк! Приехала она на дачу без стрелы, как уходили они в лес, все видели. Слов нет, такая здоровенная кобыла могла, конечно, мужику внезапно в глаз стрелу воткнуть, но зачем? Мотива нет. На этом все. Вторая часть окончена.

— Стрела была заводская или самодельная? — полюбопытствовал я.

— Стрелу изготовил, по всей видимости, лучник-профессионал. Наконечник у нее заточен так, что если стрела войдет в тело, то вытащить ее обратно можно только вместе с мясом. Оперение самодельное, но это ни о чем не говорит. С близкой дистанции стрела будет лететь уверенно, без отклонений.

— Ерунда! — усомнился я. — Ты в детстве из лука стрелял? Помнится, играли мы в индейцев: дротики метали, из самодельных луков стреляли... Попасть человеку стрелой в глаз? Да на всю страну таких стрелков — не больше сотни найдется. Наверняка все спортсмены на виду. Скорее всего, дело было так: вышел Яков на полянку, к нему подошли

убийцы и воткнули стрелу в глаз, а любовнице его сказали: «Слово лишнее ляпнешь — мы и тебе глазки такой же стрелой выколем, будешь до самой смерти вспоминать, как в зеркало смотрелась».

— Алису Попову «кололи» и так, и эдак, даже трое суток в ИВС продержали — все без толку. Она твердо стояла на своем: никого не видела, ничего не знаю!

— Значит, серьезные ребята им на поляне повстречались. Поповой сколько лет? Двадцать пять? Я бы на ее месте тоже зрение поберег.

— Третью часть рассказывать? — с коварной усмешкой спросил приятель.

— Еще и третья часть есть?! — воскликнул я. — Давай, конечно! Как я понимаю, после стрелы с белым оперением слухи об организации мстителей только укрепились?

— Слухи остались слухами, но в самом начале сентября у нас произошло еще одно убийство. Потом, с интервалом через день, еще два. В первом случае орудием убийства была самодельная стрела с белым оперением. Во втором — стрела. В третьем — человеку голову гантелью проломил. Стали разбираться и выяснили, что все убитые когда-то ушли от ответственности перед законом. Ну, как, круто?

— Давай дальше, не отвлекайся!

— В первом случае мы быстро разобрались с механизмом убийства: потерпевшего сзади схватили за руки, обездвигили и воткнули стрелу в глаз. Стрела изготовлена из оконного штапика, перышки птичьи. Такой стрелой только в щит во дворе дома стрелять:

летит она, куда бог пошлет, убойной силы — никакой. Второго потерпевшего прихлопнули стрелой из арматуры.

— Это как? — удивился я, представив летящий в цель рифленый металлический прут.

— Очень просто. Потерпевшего уложили на землю и вогнали ему длинную заточенную арматуру прямо в сердце. Как вампира колом пришили. Чтобы провести параллель со стрелой, на конец арматуры примотали изолентой белые перышки.

— А с третьим? Его же гантелью убили?

— В третьем случае никаких стрел не было. На трупе нашли записку, написанную печатными буквами: «Белая стрела». Вот тут-то слухи о тайной организации мстителей и обрели силу достоверной правды! Если со стрелами все как-то мутно, натянуто, то против записки не попрешь! Убили подонка и подписались: «Белая стрела».

— В чем последнего потерпевшего обвиняли?

— Надругался над третьеклассницей. В лифте подкараулил, нажал кнопку «стоп»... Свидетелей нет, девчонка в шоке, толком ничего рассказать не может. Папаня у нее наш, мент. На момент убийства имеет крепкое алиби.

— А что с Василием? Его проверяли? — в задумчивости спросил я.

— Вася на момент убийства Якова был в глубоком запое. От греха подальше его из органов уволили, но не в этом суть! Понятно, что за свою семью убить обидчика — святое дело! Но зачем Василию убивать остальных троих, о которых он даже никогда

раньше не слышал? Откуда бы он о них узнал? Одному человеку это не под силу.

— Веселые дела у вас творятся, ничего не скажешь!

— Не то слово! Второй месяц на казарменном положении живем, ждем, кого следующего прихлопнут. Никто не сомневается, что список в «Белой стреле» на последнем насильнике не заканчивается.

— Что народ говорит?

— Народ ликует! Всем бандитский беспредел надоел. Все понимают, что надо что-то делать, а что именно — никто не знает. Вы как после усиления прокурорского надзора себя чувствуете?

— Лишний раз боимся преступникам слово грубое сказать.

— Как прокуроры?

— Охотятся на нас. Чем им еще заниматься, не с преступностью же бороться.

— У нас — то же самое. Пассивность правоохранительной системы всегда порождает народное негодование. Вспомни, как появилась советская милиция? Рабочие Петрограда взяли в руки винтовки, примкнули трехгранные штыки и пошли патрулировать улицы города. Кого-то из бандитов они пристрелили, кого-то штыками закололи, и все — навели порядок! Очистили колыбель революции от преступного элемента. Сейчас бы вернуться в то славное время и отменить гуманизм, да только кто это делать будет? Вот и ликует народ, узнав об очередном убийстве. Даю тебе гарантию — ни один порядочный человек о «Белой стреле» не донесет. Соседи линчуют.

— У вас про военный переворот говорят?

— Все его ждут! Порядок же когда-то надо наводить. Как захватят вояки власть, так мы всех отморозков по городу отловим и на мосту через Обь вздернем.

Ночевал Петр у меня. Наутро, собираясь домой, он, как бы между делом, спросил:

— Андрюха, если бы тебе предложили вступить в «Белую стрелу», ты бы согласился?

— Нет. Если жизнь прижмет, я буду действовать один. Никаким организациям я не верю.

Глава 2

ВЗРЫВ В КАФЕ

С первых дней советской власти локомотивом развития Советского Союза был оборонно-промышленный комплекс, выпускавший самые современные виды вооружения. Население СССР снабжалось по остаточному принципу: все, что не шло на нужды армии и ВПК, трансформировалось в товары народного потребления. До перестройки такая модель экономического развития работала, но с наступлением эпохи гласности все пошло не так, как задумывали архитекторы нового мышления. Прозревший от разоблачительных газетно-журнальных публикаций народ возроптал: «Зачем нам тысячи танков и ракет, если в магазинах шаром покати? Мы хотим жить как в странах Запада. Хватит над нами экспериментировать, пора подумать о повышении уровня благосостояния трудящихся».

В правительстве решили, что доводить народ до отчаяния не стоит, и в ноябре 1986 года разрешили каждому советскому гражданину в свободное от основной работы время заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. На практике это означало легализацию частного извоза и репетиторства, другие виды экономической деятельности просто не вписывались в установленные правительством рамки. Экономического эффекта предложенные новшества не принесли, и тогда правительство пошло дальше: в стране разрешили создание кооперативов по производству товаров народного потребления. Закон «О кооперации» был изначально мертворожденным, в нем запрещалось использование наемного труда и свободный сбыт произведенных товаров. Все, что ремесленник-кооператор сделал своими руками, он должен был реализовывать не на рынке, а через сеть государственных комиссионных магазинов. В мае 1988 года руководство СССР пришло к выводу, что с социализмом пора кончать, и населению разрешили создавать кооперативы для осуществления любой экономической деятельности, не запрещенной законом.

Для большинства советских граждан «кооперативное движение» было пустым звуком. Чтобы создать кооператив, требовался первоначальный капитал, а его-то у обычных тружеников не было. Как можно открыть авторемонтную мастерскую, если у тебя в карманах ветер гуляет? На какие шиши закупать запчасти и оборудование, если всех сбережений в семье едва хватит на покупку импортного домкрата?

Но были в стране люди, которые нашли необходимые средства и разумно распорядились ими. Одним из пионеров кооперативного движения в нашем городе был Евгений Викторович Ковалик, бывший инструктор Заводского райкома партии. Не выходя из КПСС, Ковалик уволился из райкома и организовал кооператив «Встреча». Первым его приобретением было пустующее здание областной конторы «Заготзерно», занимавшейся закупкой сельскохозяйственной продукции в совхозах и колхозах. С наступлением новых рыночных отношений селяне стали сами реализовывать свою продукцию, и необходимость в посреднической организации отпала. К сентябрю 1988 года сотрудников «Заготзерна» перевели в аппарат еще держащегося на плаву «Облпотребсоюза», а помещение конторы сдали в аренду кооператорам.

За месяц Ковалик изменил бывшую пыльную контору до неузнаваемости. На первом этаже он открыл небольшое уютное кафе, второй этаж отвел под видеосалон и кабинеты членов правления кооператива.

Кафе, названное «Встреча», было рассчитано на сорок четыре посадочных места. Условно его внутреннюю планировку можно было разделить на четыре зоны: холл с гардеробной, обеденный зал, бар и кухня с подсобными помещениями. В холле в течение рабочего дня дежурил гардеробщик, он же выполнял обязанности швейцара и при необходимости вышибалы. Обеденный зал в горизонтальной проекции был похож на плоскую электрическую батарейку «Планета» с отогнутыми усиками. Торцом

«батареика» примыкала к гардеробной, между ее усиками располагался бар. Вся центральную часть обеденного зала занимали поставленные в два ряда восемь четырехместных столов. В нишах-усиках, именуемых «кабинками», было по одному шести-местному столу. Места в них считались самыми престижными, и занять их можно было только с личного разрешения Ковалика. Как правило, состоятельные гости заранее согласовывали с Евгением Викторовичем свой визит, и он резервировал для них левую нишу, а правую, часов до девяти вечера, занимал сам. В самый разгар веселья, когда до закрытия заведения оставалась пара часов, в кафе появлялись особо уважаемые посетители: бандиты, спекулянты или преуспевающие кооператоры. При их появлении Ковалик освобождал свою кабинку, перемещался в бар и уже оттуда контролировал обстановку в зале.

За крохотным баром располагалась кухня. Слева от барной стойки — спуск в полуподвальное помещение с туалетами, справа — лестница на второй этаж и вход на кухню.

Обслуживающий персонал кафе состоял из семнадцати человек, работающих через день. Одна смена — девять человек: администратор, швейцар-гардеробщик, две официантки, бармен, два повара и двое кухонных рабочих. Директор по собственной инициативе работал каждый день, а бухгалтер — только в будни.

Цены в кафе были заоблачными, а меню однообразным: три вида салатов, мясная закуска и горячее — эскалоп в панировочных сухарях с жареным

картофелем, украшенный тремя маслинками. Выбор спиртных напитков был ограничен коньяком и шампанским. С собой приносить спиртное было категорически запрещено. Ужин на двоих человек обходился в среднем рублей в двадцать. На эту сумму можно было заказать по овощному салату, мясной нарезке из трех сортов тонко порезанной колбасы, горячее и двухсотграммовый графинчик коньяка на двоих. Шампанское, маслины в крохотной мисочке, кофе и мороженое для дамы могли взвинтить цену до полтинника. Естественно, при таких расценках ужин в кафе был доступен не каждому. Обычными посетителями здесь были торговцы всех мастей, базарные спекулянты, кооператоры, воры-карманники, рэкетеры, девицы легкого поведения и, как ни странно, работники советских и партийных органов. Заходили в кафе и случайные гости, решившие с шиком отметить семейное торжество или знаменательное событие.

В середине декабря 1988 года Ковалик распорядился празднично украсить кафе. В центре обеденного зала была установлена настоящая пушистая елка, на стенах развесили снежинки из фольги, елочные игрушки и блестящие нитки мишуры. Переодевать персонал в сказочных героев не стали — проведение во «Встрече» детских утренников не планировалось.

В пятницу, 30 декабря, в самый канун наступающего Нового года, в левой кабинке за шестиместным столом встретились четверо мужчин. Каждого из них на входе в зал встречал лично директор заведения. После дружеского приветствия он провожал гостя

к столу, интимно-заговорщицким тоном предлагая сделать заказ на напитки и блюда, которых не было в меню. По указанию Евгения Викторовича администратор кафе весь вечер не сводила с левой кабинки глаз и по первому требованию посетителей посылала к ним самую расторопную официантку. Встретившимися в кафе гостями были: заместитель председателя городского совета воинов-интернационалистов Демушкин Леонид Васильевич, самый известный в нашей области предприниматель-кооператор Шафигов Игорь Владимирович и мужчина по кличке Тихон, неформальный заместитель вора в законе Лучика. Всем им было около пятидесяти лет, дома их, за исключением Тихона, ждали жены и дети. Тихон, большую часть жизни проведший за решеткой, обзавестись семьей не мог по определению: летом следующего года его должны были короновать в воры в законе, а им иметь семью запрещено. Четвертым участником встречи был тридцатидвухлетний второй секретарь горкома ВЛКСМ Яковлев Артур Тарасович.

На входе в обеденный зал, за первым столиком с левой стороны, сели приехавшие с Демушкиным двое крепких парней с военной выправкой, место напротив них заняли два златозубых уголовника в спортивных костюмах «Адидас» — личная охрана Тихона. Подсаживать к ним посетителей администратор кафе не стала.

К восьми вечера в кафе уже не было свободных мест, незанятым оставался только стол в директорской кабинке. Публика в предпраздничный день собралась разношерстная. Вместе с привычным

торгово-бандитским контингентом в зале сидели случайные посетители: две семейные пары предпенсионного возраста и группка пугливых девушек-студенток. Семейные пары, расположившиеся напротив левой кабинки, отмечали юбилей совместной жизни супругов Моханько, а студентки пришли в кафе, движимые любопытством. Им было интересно посмотреть на людей, без дрожи в руках заказывающих свежесваренный кофе по два рубля за миниатюрную чашечку.

К девяти вечера приглушенный гул голосов и стук вилок по тарелкам сменились взрывами хохота и веселыми выкриками подвыпивших посетителей. В пять минут десятого один из охранников Тихона закурил, и тут же, как по команде, задымили за всеми столами. Небольшое помещение кафе быстро наполнилось слоями сизого дыма — вентиляция во «Встрече» работала отвратительно.

Примерно в половине десятого в зал вошел неизвестно как миновавший швейцара паренек лет тринадцати с тортиком в руках. Парнишка был без верхней одежды и головного убора. Весь наряд его составляли старенькие брюки и тонкий поношенный свитер. На некрасивом прыщавом лице подростка была прописана легкая степень дебильности — не совсем дурак, но в обычной школе учиться не сможет.

Посмотрев по сторонам, мальчишка беспрепятственно обошел елку и приблизился к левой кабинке.

— Это вам! — сказал он, протягивая торт мрачным мужчинам.

— Что за хрень ты приволок? — прорычал из дальнего угла Тихон.

Ответа будущий вор в законе не услышал. Коробка в руках паренька с оглушительным грохотом взорвалась. Взрыв был такой силы, что ударной волной голову пацана сорвало с плеч и отбросило на стол к Моханько. Увидев перед собой окровавленное человеческое лицо с выбитыми глазами, Лилия Моханько дико завизжала и забилась в истерике. Муж Лилии Алексеевны, мужчина крепкий, бывалый, брезгливо смахнул голову со стола и посмотрел на выход из обеденного зала, но никого там не увидел.

Супругам Моханько повезло: стоявший к ним спиной слабоумный паренек, как живой щит, принял на себя весь поток осколков, летящих в обеденный зал. У мужчин в левой кабинке такого щита не было. Осколками самодельной бомбы их изрешетило так, что хлещущая из продырявленных тел кровь объединилась в одну огромную лужу под столом и поползла в зал.

Оперативным дежурным по городскому УВД 30 декабря заступил опытный и хладнокровный майор Потапчук. Узнав о взрыве в кафе, он направил к «Встрече» наряд вневедомственной охраны.

— До прибытия нашей следственно-оперативной группы никого из кафе не выпускать! — приказал по рации Потапчук. — Приедет «Скорая помощь», пускай в зале раненых перевязывает. Никто — ни живой, ни мертвый — покинуть кафе не должен!

Вслед за группой вневедомственной охраны дежурный направил к кафе экипаж ГАИ и два автомобиля ППС. Буквально через десять минут после

взрыва вход в кафе был блокирован. Я, Геннадий Клементьев и начальник городского уголовного розыска Малышев — мы прибыли на место происшествия около половины одиннадцатого. Меня сопровождал Далайханов Айдар, Клементьев приехал с Сергеем Матвеевым.

Выйдя из служебных «Жигулей», мы с Айдаром остановились на крыльце «Встречи», закурили.

— Сколько народу полегло? — для проформы поинтересовались мы у милиционера, охранявшего вход в кафе.

— Четверых мужиков в кабинке насмерть осколками посекло, а пацана с бомбой на куски разорвало. Мой напарник сходил посмотреть, до сих пор отойти не может. Вон он, на углу, скрюченный стоит. Я ему говорил: «На кой черт тебе эти мертвяки сдались?» Нет, поперся! Сейчас до кровавой желчи плевать будет.

— Ну что, пошли? — спросил я у Далайханова.

Он отбросил сигарету в сугроб и первым вошел в здание.

Глава 3

ПО ОСКОЛКАМ БИТОГО СТЕКЛА

В гардеробной кафе толпился возмущенный народ. Посетители, отошедшие от шока, рвались домой, но на улицу их не выпускали. Я бегло осмотрел толпу — никого знакомых не заметил и пошел вперед.

В обеденном зале, у левой кабинки, спиной к нам стояли Малышев, Клементьев и двое судеб-

ных медиков. Посередине зала лежала поваленная новогодняя елка.

— Прикинь, Андрей, — негромко сказал за моей спиной Далайханов, — сидишь так с девушкой, шампанское пьешь, анекдоты ей рассказываешь, а тут как бабахнет — и на тебя елка падает. Вот развлечение так развлечение! На всю жизнь запомнится.

— Красивые игрушки на елке были, — отметил я, показывая на парочку уцелевших при падении шаров.

Малышев, услышав мой голос, обернулся:

— Андрей Николаевич, иди сюда! Узнаешь клиента?

Хрустя битым стеклом, я подошел к начальнику, заглянул в глубь кабинки. В дальнем углу, откинувшись на стену, сидел мужчина в модном кожаном пиджаке. Лицо у него было залито запекшейся кровью, но руки, раскинутые в стороны, остались целыми. Я присмотрелся к его татуировкам. На кисти левой руки было выколото восходящее солнце, под ним — надпись корявыми печатными буквами «Сибирь». На среднем пальце, прямо под буквой «б», вытатуирован перстень «Дорога через зону».

— Тихон, что ли? — с сомнением спросил я.

— Он, родимый, — покровительственно усмехнувшись, ответил Климентьев.

Геннадий Александрович уже почти год как не употреблял спиртного — закодировался. Лишенный возможности сделать хоть глоток водки, Климентьев озлобился на весь мир. В мрачном взгляде его прочно прописались ненависть к окружающим водкохлебам и жалость к самому себе, лишенному любимого на-

питка. Он стал похож на волка, переведенного директором зоопарка на вегетарианскую диету: минуту назад серый хищник сосредоточенно ходил по клетке из угла в угол, обдумывал свое жите-бытие и вдруг, ни с того ни с сего, оскалился и зарычал на зрителей.

— Я Тихона сразу узнал, — бравируя своей догадливостью, сказал Клементьев. — По роже-то не понять, кого завалили, а по рукам все видно. Руки у Тихона как паспорт: и прописка на них, и число ходок. Я, когда опером был, спрашивал его: «Тихон, «восходящее солнце» — это символ отбытия наказания в сталинских лагерях. Ты же, говорю, в ГУЛАГе не был, БАМ не строил, на кой черт тебе такая допотопная наколка?» Он отвечает: «С детства «солнце» наколоть хотел. У всех знакомых отца такие наколки есть, вот и я решил: как только за решетку попаду, сразу же «солнце» выколю». Прикинули, мужики? Он в двадцать лет уже планировал воровским авторитетом стать.

— Тихон в последнее время нигде не появлялся без охраны, — заметил я.

— Вон его быки лежат, — ответил Малышев, показывая на двух мужчин, распластанных лицом вниз у перевернутого стола.

— Они не ранены? — мне показалось, что охранники преступного авторитета лежат слишком уж неподвижно, словно две рыбины, оглушенные ударом о борт лодки.

— Целехонькие! — ответил Малышев. — Я велел их в сторонку убрать, чтобы под ногами не путались.

— Николай Алексеевич, а чего здесь все битым стеклом усеяно? Взрывная волна, как я понимаю,

дальше этих двух столиков в зал не прошла. Окна вроде бы целые, стекла на месте стоят.

— После взрыва паника началась. Народ со своих мест рванул, кто куда, посуда вся на пол полетела. Ты присмотришься, здесь не витражи валяются, а фужеры да тарелки.

— Личности потерпевших установили? — спросил я, кивая на покойников.

— Этого знаешь? — Малышев ткнул в ближайшего ко мне мертвеца.

— Конечно, знаю! — ответил я. — Это господин Шафиков, первый богач в городе. На прошлой неделе заходил к нам, просил помочь с раскрытием кражи в его кооперативе. Портативную печатную машинку обещал подарить. Теперь от руки придется справки писать.

— Напротив Шафикова — Леня Демушкин, бывший афганец-десантник. Кто этот мужик возле Тихона, пока не знаем.

— Хорошую компанию себе выбрал Демушкин! — усмехнулся я. — Пойду, с быками поговорю.

В обеденный зал, хрустя осколками стекла, вошел прокурор области с двумя помощниками. За ними следом — наш генерал в сопровождении свиты. Начальник областного УВД был в гражданской одежде, на лице его замерло холодно-безразличное выражение. Мысленно он был далеко-далеко, прокручивал текст шифровки в Москву. Еще бы! Взрыв в кафе, пятеро убитых. На носу Новый год — кто раскрывать преступление будет? Нигде в Сибири бомбы не рвутся, а у нас такой гнусный почин! «Клубок» с четырьмя неизвестными — хуже не придумать.

Сочувствую я генералу Удальцову. Намылят ему холку московские боссы, так «поздравят» с наступающим Новым годом, что всю зиму икать будет. Я даже представил, как неведомый мне заместитель министра внутренних дел орет по телефону правительственной связи: «Что ты мне горбатого лепишь, генерал? Одного кого-то завалить хотели, а не всех четверых! Жертва убийцы — это один человек, а остальных троих прицепом зацепили. Ищи жертву, распутывай клубок, а то отправим тебя в город Магадан директором рыболовецкого колхоза».

Встретившись глазами с прокурором области, я сухо кивнул ему в знак приветствия. Он не счел нужным ответить.

Обойдя стороной следователя прокуратуры, я подошел к мужикам в спортивных костюмах, легонько ткнул ногой одного из них.

— Вставай, поговорим, — сказал я.

Мужик, немногим старше меня, проворно вскочил. Мы сели за столик напротив директорской кабинки. К нам подошла бледная, еще не пришедшая в себя официантка.

— Кофе не желаете? — спросила она.

— По два рубля за чашку? — с вызовом спросил я.

— Молотый кофе по два рубля варить надо, — объяснила официантка. — Я вам могу по чашечке растворимого из кухни принести.

— Кофе — за счет заведения! — крикнул из своей кабинки Ковалик.

— Уважаемая, плесни в кофе коньяку, — вполголоса попросил уголовник. — Я потом зайду, расплачусь.

Официантка скрылась на кухне, мы с охранником покойного Тихона закурили.

— Кто такие? — спросил он, кивая на прокурора с помощниками.

— Друзья твои. Разве не узнал?

Мужик оскалил частокол золотых зубов.

— С такими друзьями — врагов не надо! Ты чего от меня хочешь? Я ничего не видел. Мы с Коляном сидели у входа, за жизнь базар вели. Пришел пацан недоразвитый и — шмыг мимо нас, а потом как рванет! До сих пор звон в ушах стоит.

— С чего ты решил, что пацан был недоразвитый? — ответил я вопросом на вопрос.

— Худой, как спичка, недокормленный. Я его только со спины видел. Плюнь в позвоночник — пополам перешибет. Походка у него семенящая, как у шестерки в спецшколе¹.

— Зачем Тихон сюда приехал?

— Спроси у него, — усмехнулся уголовник. — Он меня в свои дела не посвящал.

— Скрытный господин этот Тихон. Такого славного парня в неведении держал! Кстати, мы так и не познакомились. Как тебя зовут?

— Медвежонок, а как по паспорту, я уже не помню.

— Скажи мне, маленький медведь, если я тебя на пятнадцать суток закрою, ты не сильно осерчаешь?

---

¹ «Спецшкола» — учебное заведение закрытого типа, в котором отбывают наказание малолетние преступники, совершившие уголовно наказуемое деяние в возрасте до четырнадцати лет (прим. авторов).

— За что на пятнашку-то? — задал он риторический вопрос. — Я себя спокойно вел, никому не хамил, не грубил.

— С каким культурным и воспитанным человеком меня свела судьба! Подумать только, весь вечер пил спиртное и никому слова грубого не сказал. А кто пьяный буйствовал, кто стол перевернул? Кто матом всех подряд посылал, я, что ли? Завтра утром к нам в управление приедут студенты юрфака, они за мою подпись на отчете по практике что угодно напишут.

— Эти могут, — согласился уголовник.

— Если у человека есть язык, то местечко в ИВС ему всегда найдется. А бывает труднее — тут по старинке не сработает. Расскажу тебе забавный случай. Нам как-то надо было одного клиента за мелкое хулиганство упечь, а он, представь себе, глухонемой! Ничего, нашли выход из положения: указали в рапорте, что он демонстративно плевался на пол в райотделе.

— Меня на суд повезут или заочно окрестят?

— Заочно, чего зря бензин жечь. Сегодня у нас в клетке переночуешь, а завтра — на нары! Не хочешь на вопросы отвечать, так посиди, молодость вспомни.

Из кухни вышла официантка, поставила перед нами две чашки дымящегося кофе. В свите прокурора области ее заметили, стали перешептываться, указывая на нас.

— Не отберут? — пошутил уголовник.

— Если успеешь отпить, оставят, — совершенно серьезным тоном ответил я.

Мой собеседник, обжигаясь, сделал два больших глотка, отер рот рукой.

— За столом, у которого Колян лежит, — тихо сказал он, — сидели две местные шмары. Сегодня у них был не рыбный день, никто не снял. От нечего делать они зал пасли. Поговори с ними, у девок язык не прищилен, они в базарах свободны, а я, сам понимаешь, весь в путах, как в кандалах. На пятнашку загонишь — не в обиде буду: у вас — своя работа, у нас — своя.

Я жестом подозвал Айдара, наблюдавшего за нами от дальней стены.

— Расскажи моему напарнику, как шмары выглядят, — велел я.

Уголовник, отхлебывая кофе, объяснил.

— Иди в холл, — вполголоса сказал я Далайханову, — вычислишь девок, отдели их от толпы и приведи сюда.

Он кивнул и пошел в гардеробную. Я попробовал свой кофе. Коньяка в нем не ощущалось, а вот у уголовного лицо порозовело. Горячий напиток пошел ему на пользу.

— Иди, ложись на место, — распорядился я. — Коляна ко мне пошли.

Второй уголовник внешне был похож на первого как две капли воды. На вопросы он отвечал так же неохотно, обдумывая каждое слово.

— Вас за Тихона круто взгреют? — проявляя отеческую заботу, спросил я.

— Если живы останемся, я в церкви свечку поставлю, — мрачно пробурчал он.

— Как вы пацана проворонили? Ничего не пойму. Видно же, что он приبلудный, да еще с тортиком в руках. Я бы на вашем месте тормознул его на входе.

— Он с виду — фигура не опасная. Я когда ему вслед посмотрел, подумал: чей-то сын с улицы вернулся.

— Пацан сразу же к Тихону пошел, ничего не высматривал?

— Как по просеке пронесся. Елку обогнул слева — и к ним. Тут бабахнуло так, что пыль с потолка посыпалась. Дай кофе хлебнуть, — по-приятельски попросил он.

— Скучен рассказ твой, — я пододвинул полупустую чашку к уголовнику. — Пей, будет что вспомнить в Новый год.

— На пятнашку подписать хочешь? — насторожился Колян.

Я ничего не стал ему объяснять и отправил назад, к опрокинутому столу, а к себе позвал одного из мужчин с военной выправкой. Сев напротив меня, мужик процедил сквозь зубы:

— Гниды они, давить их надо, а ты с ними кофе пьешь, сигареты куришь.

— Не только они гниды в этом зале, — философски возразил я.

Айдар ввел в зал двух одетых в пуховики девушек. Я кивнул на хозяйский закуток. Больше сажать их было негде. Народ у кабинки с покойниками дружно повернулся в нашу сторону, проследил, как девушки идут по залу, и вернулся к осмотру трупов.

— Вы кого охраняли? — напрямую спросил я бывшего афганца.

— Никого. Мы с товарищем зашли в кафе перекусить, выпить по рюмке, а тут такие дела!

Я подозвал официантку.

— Что они заказывали? — спросил я, показав на собеседника.

— Два кофе и по стакану минеральной воды, — сверившись с записями в блокнотике, ответила девушка.

Заметив мой неприметный знак, к нам подошел Далайханов.

— Айдар, узнай: опознали четвертого покойника?

Хрустя битым стеклом, он сходил к Малышеву, переговорил с ним и вернулся назад.

— Четвертый погибший — из горкома ВЛКСМ.

— Вы комсомольца охраняли или своего, афганца? — спросил я у помрачневшего собеседника.

— Мы покушать зашли, — по непонятной пока причине он решил стоять до конца.

Я пожал плечами: «дело ваше!» — и велел ему ждать своей дальнейшей участи.

— Прощу вас! — позвал я девушку из директорского кабинета.

Ко мне подошла долговязая, худая, вся какая-то угловатая, нескладная девица лет двадцати. К ее небольшому округлому личику и вытянутой фигуре гармонично подошли бы длинные распущенные волосы ниже плеч, но девушка шла по жизни своим путем. Из множества женских причесок она выбрала укороченное каре, что оптически отделяло ее голову от остального туловища.

«Богомол какой-то сушеный, а не чувиха», — подумал я, рассматривая свидетельницу.

Свитер болтается на ней, как на вешалке, джинсы сзади висят. Пародия какая-то на девицу легкого по-

ведения. С нее можно агитационный плакат писать: «Девушки, не ходите в проститутки — такими же станете!» Я бы на нее никогда не позарился, а ведь кто-то за ее «любовь» деньги платит.

Девушка села ко мне боком. Левый рукав ее свитера был не проглажен. Как в таком виде можно на работу ходить? Куда директор этого балагана смотрит?

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Маша.

— А вторую как зовут?

— Даша.

— Маша и Даша, очень хорошо! — похвалил я. — Маша, ты видишь толпу возле трупов? Много людей, правда? Сейчас им надоест мертвецов рассматривать, и они разъедутся по домам, а здесь останемся только мы, менты. Тогда, Машенька, мы с тобой прогуляемся в подвал, к туалетам. Жизненный опыт подсказывает мне, что там должна быть каморка, где техничка хранит свои ведра и тряпки. Там же должен быть резиновый шланг, которым она воду из умывальника в ведра наливает. Ты видела, как технички воду набирают? Молодец! Так вот, Маша, ответь мне: если я этим шлангом тебе по мягкому месту пару раз от души врежу, у тебя имя поменяется?

— Меня правда Маша зовут, — испуганно ответила она.

— А напарницу?

— Люба, — девушка виновато посмотрела в сторону директорской кабинки. В ее взгляде читалось: «Извини, подруга! Так получилось».

— Маша, признайся, почему у тебя рукав такой помятый? Ты что, не следишь за собой?

— Не успела погладить, — тихо соврала она.

Хозяйской походкой человека, привыкшего повелевать, к нам подошел прокурор Центрального района Владимир Окопов. Из-за болезни почек лицо у него было нездорового желтоватого оттенка. За глаза Окопова звали «Живой Групп».

— Кто это? — хамским тоном спросил прокурор.

— Свидетельница, — ответил я, не вставая с места. — Она сидела в дальнем углу и ничего не видела.

— Если она ничего не видела, зачем зря на нее время теряешь? Я за тобой уже минут пять наблюдаю. Сидишь, улыбочки ей даришь. Договариваешься, что ли?

— Хорошо, — не вступая в пререкания, согласился я. — Сейчас переключусь на других свидетелей.

— С самого начала бы так! — с нескрываемым презрением бросил прокурор. — Расселся, бездельник. Пока носом не ткнешь, никто работать не хочет.

Он развернулся на каблуках и пошел докладывать прокурору области, что провел мероприятия по активизации раскрытия преступления.

— Кто этот говнюк? — не поднимая головы, спросила Маша.

— Прокурор Центрального района. Кафе «Встреча» находится на его территории.

С шумом и руганью в обеденный зал ввалилась толпа оперативников из областного УВД. Первым делом они прошлись вокруг поваленной елки, посмеялись над чем-то и рассосались по залу.

Я подозвал Айдара:

— Забирай девчонок и вези к нам в управление, здесь нам поговорить не дадут. Машину за мной не присылай, я назад с Малышевым вернусь.

— Андрей, Клементьев тоже уехал, швейцара с собой забрал. Если я отчалю, тут из городского управления никого не останется.

— Областники пускай работают. «Клубки» — это их специализация, а мы так, на подхвате.

— Вы надолго хотите нас забрать? — испугалась Маша. — У нас в общежитии в половине двенадцатого двери закроют, и мы домой не попадем.

— Ты в студенческом общежитии живешь? — догадался я. — Где учишься?

— В институте культуры, на третьем курсе.

Мы с Айдаром засмеялись.

— Что я смешного сказала? — обиделась девушка.

— Абсолютно ничего, — ответил я. — Мы, Маша, развеселились по другому поводу. Могли бы сами догадаться, в каком институте девушек учат состоятельным дяденькам досуг скрашивать. Айдар, уезжайте прямо сейчас, а то Живой Труп опять в нашу сторону смотрит.

Отправив Далайханова с девушками в управление, я подсел к хозяину кафе. Удивительно, но за полтора часа моего пребывания во «Встрече» к нему не подошел ни один человек. Следователи, прокуроры, оперативные работники — все, словно стоворившись, игнорировали его.

— Нам надо поговорить, — сказал я Ковалику. — Здесь, пока прокурорская пена не схлынет, разговор не получится. У вас есть отдельный

кабинет, где мы могли бы потолковать с глазу на глаз?

— Конечно, есть, — оживился заскучивший Евгений Викторович. — Пойдемте наверх.

— Ключи у вас с собой? — уточнил я.

Ковалик с готовностью похлопал себя по карману.

— Тогда пошли.

Глава 4

ЕЛКУ — НА МЕСТО!

На втором этаже, из-за дверей напротив директорского кабинета, гнусавый голос переводчика предупредил неведомого врага: «Когда мы встретимся еще раз, я убью тебя, мерзавец!»

— Видеосалон, — прокомментировал Ковалик. — Последний фильм досматривают.

— Внизу взрыв, а здесь, как ни в чем не бывало, иностранные боевики крутят? — подивился я.

— Вход в видеосалон отдельный, звукоизоляция между этажами хорошая, так почему народ должен страдать? Зрители приобрели билеты заранее, они имеют полное право воспользоваться услугами, которые оплатили.

Я пожал плечам: «Цинично, конечно, смотреть киношные убийства, когда у тебя под ногами пять настоящих трупов. С другой стороны: пришел я с девушкой фильм посмотреть, и что, мне из-за чужих разборок пять рублей терять?»

Кабинет Ковалика был небольшой, обставленный в аскетичном стиле — ничего лишнего. Един-

ственным предметом, выбивавшимся из общего канцелярского интерьера, был массивный сейф в углу комнаты. Над верхней дверцей сейфа поблескивала табличка завода-изготовителя «Красный металлист». Такого добротного хранилища для документов я в милиции не встречал даже у руководителей областного УВД.

«От прежних хозяев остался, — решил я. — Интересно, что в нем заготовители зерна хранили? Договоры с крестьянами?»

— С чего начнем? — спросил Евгений Викторович, усаживаясь в директорское кресло.

Я сел напротив, достал сигареты, пододвинул к себе массивную стеклянную пепельницу, закурил. Ковалик последовал моему примеру.

На вид хозяину «Встречи» я бы дал лет пятьдесят. Внешне он был похож на отца американской психоделической музыки Ли Хезлвуда, автора популярнейшего шлягера «Летнее вино». Как и Хезлвуд, Ковалик носил усы, опускающиеся за уголки губ, и так же хитро прищурился. Но у американца в глазах навечно застыла вселенская тоска по ушедшей молодости, а Евгений Викторович был на позитиве. Даже погром, устроенный в кафе после взрыва, не поверг его в уныние. Приятно иметь дело с оптимистом. Но к оптимистам нужен особый подход.

— Выложите на стол все предметы, которые у вас есть в карманах, — приказал я.

— Вы это серьезно? — от удивления густые брови хозяина выгнулись дугой, сомкнулись над переносицей, образовав силуэт летящей над морем чайки.

— Вполне. Я расследую особо опасное преступление и должен знать, с кем имею дело.

— Неужели вы думаете, что я настолько тупой человек, что не успел бы за целый вечер избавиться от кнопки управления бомбой?

Продолжая возмущаться, Ковалик выложил передо мной блокнот, металлическую авторучку, носовой платок, портмоне и сигареты «Космос» в твердой пачке. Кошелек у преуспевающего кооператора был тощим. Больших сумм с собой Евгений Викторович не носил.

— Авторучку разобрать? — ехидно спросил он.

— Почему вы решили, что я буду искать пульт от бомбы?

— Я же не в лесу живу: детективы читаю, фильмы американские смотрю. Бомба, которая взорвалась у пацана в руках, была радиоуправляемой. Я даже теоретически не могу представить, что в ней был часовой механизм. С точностью до секунды рассчитать момент взрыва просто нереально.

— Согласен. Бомбу привел в действие человек, который находился в обеденном зале или в фойе. Скажу больше: этот человек должен был видеть, что пацан подошел к жертвам, а не остановился на полдороге. В момент взрыва вы были в баре, и я хотел убедиться, что это не вы привели в действие взрывное устройство.

— Спасибо за доверие. — Ковалик разложил предметы со стола по карманам. — Вы не пробовали поискать пульт от бомбы на полу в зале?

— Пускай его следователь прокуратуры ищет.

— Странная у вас методика расследования преступлений. Я всегда думал, что расследование уго-